

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

ВАН ВЕЙ

ТАЙНЫ ЖИВОПИСИ

(*Китайский катехизис*)

Огромная китайская критико-эстетологическая литература о живописи, которая обычно трактуется совместно с каллиграфией, началась уже давно, — вероятно, ранее 5 в. по Р. Хр. Она описывает и рецензирует выдающиеся произведения, классифицирует их, исследует тип и личность их авторов и, наконец, дает художественные синтезы. Одним из таких синтезов является очень известный в Китае, и очень мало в Европе, небольшой трактат, приписываемый знаменитому живописцу VIII в. по Р. Хр. Ван Вэю, по-конечному, лишь освященный его именем.

Он называется точно следующими словами: «Тайное откровение науки живописца» (Хуа сно би дзюэ) и содержит, действительно, все то, что типично для китайского художника-пейзажиста. Полагая, что это может быть интересным и не только одному китаеведу, я решаюсь дать перевод этого трактата. Перевод этот — ближайшая комбинация перевода точного с ритмическим, ибо трактат написан мерным, параллелистическим стилем, и я не хотел оставлять мерную китайскую литературную речь без усиленного, хотя, конечно, неадекватного отзвука в русском переводе.

Средь путей живописца тушь простая ¹⁾ выше всего. Он раскроет природу природы ²⁾, он закончит деянье творца ³⁾.

Порой на картине всего лишь в фут ⁴⁾ пейзаж он напишет сотнями тысяч верст. Восток, и запад, и север, и юг, лежат перед взором во всей красе. Весна или лето, осень, зима рождаются прямо под кистью.

Когда приступаешь ты к водным просторам, бойся класть плавучие горы. Когда расположишь ты ветви дорог, свитых не делай, сплошных путей.

¹⁾ Монохром.

²⁾ Характер самопроизвольного начала, лежащего в самом верхнем слое отвлеченного божества (Дао). Даосский язык — свойство большинства художественных синтезов.

³⁾ Созидателя превращений природы и человека, т. е. все того же Дао, понимаемого с точки зрения божества-промыслителя.

⁴⁾ Меры здесь и в дальнейшем — руссификация.

Хозяину-пику лучше всего быть высоко торчащим; гости же горы нужно чтоб мчались к нему.

Там, где сгиб и обхват, поместим, пожалуй, монашеский скит; у дороги, у вод мы поставим простое жилье.

Селу или ферме придай ряд деревьев, составив их в рошу: их ветви охватывать тело картины должны. Горе или обрыву дай водную ленту: пусть брызжет и мчится... Однако, потоку не следует течь, как попало.

У рта переправы должно быть лишь тихо и пусто; идущие люди пусть будут редки, в одиночку.

Дав мосту-пontonу на лодках плыть, все ж, хорошо вздеть его выше. Поставив рыбачий челн человека, спизить его, скажу, не мешает.

Средь скал нависших и опасных круч, хорошо б приютить странное дерево. В местах, где высится стеною кряж, невозможно никак дорогу прокладывать.

Далекий холм сольется с ликом туч, а горизонт небес свой свет с водой соединит.

В том месте гор, где их замок или крюк, проток скорей всего оттуда выводи. Когда ж дорога подошла к утесу, здесь можно дать навесный мост.

Когда на ровном месте высятся хоромы и террасы, то надо бы как раз, чтоб ряд высоких их стал против человеческих жилищ; а в знаменитых горных храмах и молельных достойно очень дать причудливую ель, что льнет к домам или башням.

Картина дали дымкою накрыта, утес глубокий — в туче, как в замке. Флажок на виннице пусть высоко висит среди дороги, а парус странника недурно опустить в начале вод.

Далекие горы нужно снижать и раскладывать; близким же рошам надо скорее дать вынырнуть резко...

Когда рука пришла к кистям и туши, бывает, что она блуждает и играет в забытыя... А годы, луны вдаль идут и в вечность, — и кисть пойдет искать неуловимых тайн. Таинственно-прекрасное прозреть — не в многословии секрет; но тот, учиться кто умеет, пусть, все ж, идет за правилом-законом.

Верх башни храмовой пусть будет у небес: не следует показывать строений. Как будто есть, как будто нет; то вверх идет, то вниз бежит...

Холмы заросшие, бугры земли лишь частью приоткроют верх жилища; травую крытый дом и тростниковый павильон тихонько выдвигают жердь и шест.

Гора поделена на восемь граней, а камень виден с трех сторон.

Когда рисуешь беззаботность туч, то не давай клубиться им грибом узорным *чжи*.

Фигуры пусть не больше дюйма с небольшим, а сосны *суи* и туи *бо* пусть выйдут фута на два в высь.

Когда рисуешь ты в пейзаже горы-воды, то мысль твоя лежит за кистью впереди... Гора в сажень, деревья ж в фут, дюйм для коней и доли для людей.

... Поставив рыбачий чели рыбака, спизить его, скажу не мешает...
(стр. 52)

Далекне фигуры все без ~~ртов~~, далекне деревья без ветвей. Далекне вершины без камней: они, как брови, тонки-неясны. Далекне течения без волн: они — в высотах, с тучами равны.

Такое в этом откровенье!

Талия горная тучей закрыта; стены скалы прикрыты потоком; башня-терраса прикрыта деревьями; путь же проезжий застлан людьми.

На камень смотрят с трех сторон, в дорогу смотрят с двух концов; гляди в деревья по верхам, смотри в воде ступню ветров.

Вот таковы законы!

Когда изображаешь горы-воды, рисуй холмы, хоть ровным-ровные, но с острую вершиной; рисуй вершины острым-острые, но в связной цепи; рисуй скалу с отверстием пещеры и стену острую отвеса; рисуй повисшие в пустотах глыбы и круглые, как шар, холмы.

Река — дорога вдаль, прошедшая везде; когда же две горы сожмут дорогу, то называй ущельем это. А если две горы сожмут реку, потоком это именуем.

То, что похоже на гряду, но выше, называй хребтом; а то, что ровно тянется, куда бы ни хватал твой взор, то именуем взгорьем.

И если кое-как на это обратить внимание, то вот и общее подобие пейзажа!

Кто смотрит на картину, тот стремится видеть, прежде всего, дух... Затем уж различает он, где чисто, где мазки.

Реши, что гость и что хозяин: кто примет, и с поклоном кто придет. Расположи в величественный ряд толпу вершин; коль много их, — то хаос, беспорядок; коль мало — вяло, простовато.

Не надо их ни много и ни мало!.. Лишь различи, что дальше и что ближе.

Далекне горы не могут с ближайшими слиться горами. Далекне воды не могут с ближайшею слиться водой.

Где в талии горы прикрыт обхват, поставь туда строения храмовые; где берега реки — обрыв, а дальше — насыпь и плотина, клади, пожалуй, маленький мосток.

Где нет дороги, там пусть рощи и леса; где берег прерван — древний переезд; где воды прерваны, — в тумане дерева; где воды разлились, помчались паруса; а в тайнике лесов — жилище человека.

Перед обрывом древние деревья: их корни рваные свились узлом лиан; перед потоком каменные глыбы: узор причудливый, следы воды на нем.

Когда рисуются деревья чащ лесных, далекне редки и ровны, а близкие часты и высоки. Коль есть на них листва, то ветвь нежна, мягка; коль листьев нет, — упруга и сильна. Кора сосны — что чешуя; у туп ж белой взмотан ею ствол. Коль на земле растет, то корень длинный, ствол прямой; на камне ж — скрючена в кулак и одинока.

В деревьях древних множество частей; мертвы они на половину; в холодной роще спряталась пичужка; ей холодно, уныло-сиротливо.

Коль дождь идет — не различишь ни неба, ни земли; не знаешь, где здесь запад и восток. Коль нет дождя, но ветер, — только знай гляди за

... Рисуи ... и круглые, как шар, холмы...
 (стр. 54).

ветвями дерев. Коль ветра нет, но дождь, — верхи дерев под тяжестью согнулись. Прохожий встал под зонт, рыбак надел рогожу...

Проходит дождь — подобрался и тучи; а небо — синяя лазурь...

Когда ж слегка туман, и сеется тихонько мгла, — гора усилит яшмовую сочность, и солнце близится к косым ответам...

В природе ранней тысячи вершин хотят заутреть; дымка и туман тонки, неуловимы; мутна-мутна остатняя луна, и вид ее — сплошное помраченье.

А вечером смотри: гора глотает красное светило, и свернут парус над речною мелью. Спешат идущие своей дорогой, и двери бедняка уже полу-прикрыты.

Весной: туман — замок, а дымка — что на кров. Далеко дымка тянет белизну... Вода — что выкрашена ланем ¹⁾, а цвет горы чем дале, тем синей.

Картина летом: древние деревья кроют небо, зеленая вода без волн; а водопад висит, прорвавши тучи; и здесь, у ближних вод — укромный, тихий дом.

Осенний вид: подобно небу цвету вод; уединенный лес густым-густеет. В воде осенней лебеди и гуси; и птицы в камышах, на отмелях песчаных...

Зимой, смотри: земля взята под снег. Вот дровосек идет с вязанкой на спине. Рыбачий челн пристал у берегов... Вода мелка, ровнехонек песок.

Коль ты рисуешь горы-воды вместе, ты должен рисовать по сменам этим.

Теперь, коль скажем так:

«Утесы-этажи в замке тумана»; или так:

«В Чуские горы тучи уходят»; или так еще:

«Осеннее небо утром очистилось»; или так:

«У древней могилы рухнувший памятник»; или так еще:

«Дунтин (озеро) в весенней красе»; или так:

«Дорога заглохшая, я заблудился», — то все такого рода выраженья мы именуем подписью к картине.

Вершины гор нельзя в одном шаблоне дать; верхушки дерева нельзя давать в одной манере. Одеждою гора себе берет деревья, а гору дерево берет себе, как кость.

Нельзя давать деревья без числа: важнее показать, как стройны, милы горы. Нельзя нарисовать и горы кос-как: а надо выявить здоровый рост дерев.

Картину, где подобное возможно, я назову пейзажем знаменитым.

Перевел с китайского

В. Алексеев

¹⁾ Индиго.

... Водонад висит, прорвавши тучи...
(стр. 36).